

Ю. И. Семенов

**ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО СООТНОШЕНИЯ
МАТЕРИНСКОЙ И ОТЦОВСКОЙ ФИЛИАЦИИ
У АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ**

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ М. А. ЧЛЕНОВА «МОЖНО ЛИ
СЧИТАТЬ „АВСТРАЛИЙСКУЮ КОНТРОВЕРЗУ“
РАЗРЕШЕННОЙ») ¹

Работа М. А. Членова всецело посвящена нашей статье «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому»², в которой в числе других сюжетов рассматривается и так называемая «австралийская контроверза». На вопрос, поставленный в заглавии своей статьи, М. А. Членов дает отрицательный ответ. По его мнению, все наши теоретические построения ничего в этой проблеме не проясняют.

Мы никогда не претендовали на истину в последней инстанции. Нашей целью было вынести на обсуждение один из возможных путей разрешения «австралийской контроверзы». Поэтому любые критические замечания мы можем только приветствовать, ибо они способны помочь выявить как сильные, так и слабые места теоретических построений, а тем самым способствовать решению вопроса. Статья М. А. Членова явилась для нас подтверждением того, что в целом мы стоим на правильном пути, ибо автор ее не мог привести ни одного сколько-нибудь убедительного довода против выдвинутых в статье положений.

Прежде всего следует подчеркнуть, что М. А. Членов, по-видимому, далеко не разобрался в самом существе «австралийской контроверзы». Последняя возникла и стоит не перед всеми этнографами вообще, а лишь перед теми, которые придерживаются взгляда, что отцовскому роду в историческом развитии везде и всегда предшествовал материнский род. Л. Морган в «Древнем обществе» и Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» убедительно показали, каким образом первоначальный материнский род под влиянием накопления богатств и перехода их в частное владение отдельных семей трансформируется в отцовский. Этот механизм перехода от материнской филiaeции к отцовской по существу и до сих пор является единственным известным науке. Даже противники «моргановского» направления, настаивающие на существовании различных механизмов смены счета родства, когда они от общих фраз переходят к конкретному анализу факторов, обусловивших переход от материнской филiaeции к отцовской, неизменно

¹ «Сов. этнография», 1971, № 4 (далее ссылки на работу М. А. Членова даются в тексте).

² «Сов. этнография», 1970, № 5.

называют в первую очередь накопление в руках мужчин скота, рабов и других форм богатства³.

Но у аборигенов Австралии частная собственность отсутствовала, отцовский же род тем не менее, несомненно, существовал. Возможны два основных пути разрешения возникшей «контroversы».

Первый из них состоит в выявлении причин, обусловивших столь раннее появление отцовской филлиации, в раскрытии нового, ранее неизвестного механизма превращения материнского рода в отцовский. В качестве необходимого момента здесь должно присутствовать доказательство того, что и у австралийцев отцовскому роду предшествовал материнский. Именно по этому пути мы и попытались пойти в нашей статье.

Второй путь значительно более прост. Он заключается в отказе признать материнский род — стадией, необходимо предшествующей отцовскому. Именно такого взгляда, как явствует из статьи, придерживается М. А. Членов (стр. 68). И утверждая, что «австралийская контroversа» все еще остается неразрешенной, он вступает в противоречие со своими же собственными воззрениями. Для исследователя, который придерживается взгляда на материнский и отцовский род, как на явления, исторически совершенно равноценные и могущие сменять друг друга в любой последовательности, никакой «австралийской контroversы» не существует и не может существовать. Для него это — мнимая проблема, связанная с приверженностью к устаревшим и ошибочным представлениям о прошлом человечества.

И для самого М. А. Членова, несмотря на его утверждения, никакой «австралийской контroversы» действительно не существует. Отсюда вытекает и непонимание им существа постановки вопроса в нашей статье. М. А. Членов видит в ней всего лишь попытку доказать, что у австралийцев отцовскому роду предшествовал материнский. Никакой теоретической постановки вопроса он здесь не замечает. Причем он считает, что все доказательство этого положения сводится в статье к чисто формальному выведению реально существующей системы брачных классов австралийцев из гипотетической системы двух материнских родов, связанных отношением группового дислокального брака путем совершенно произвольного допущения смены дислокального брака патрилокальным.

М. А. Членов парирует этот, единственный, по его мнению, наш довод путем, как он сам считает, доказательства того, что брачноклассовая система австралийцев с ничуть не меньшим успехом может быть формально выведена также из системы двух отцовских родов, связанных отношением дислокального группового брака, путем допущения замены дислокального брака матрилокальным. Из этого он делает вывод, что доказать матрилинейный характер первоначального рода австралийцев нам не удалось.

М. А. Членов был бы прав, если бы все действительно обстояло именно так, как он изображает. Но нарисованная им картина весьма далека от реальности. Во-первых, вопрос о характере первоначального рода у австралийцев рассматривается в нашей статье не в качестве самостоятельного, а как один из моментов более сложной проблемы, носящей теоретический характер. Во-вторых, матрилинейный характер первоначального рода аборигенов Австралии обосновывается вовсе не методом создания чисто формальных моделей. Наконец, в-третьих, М. А. Членову, вопреки его собственному мнению, не удалось даже чисто формально вывести брачноклассовую систему австралийцев из пары патрилинейных родов.

Начнем с последнего. В данном случае М. А. Членов слишком доверился широко распространенному в зарубежной этнографии мнению, согласно которому матрилинейные и патрилинейные родственные группы

³ См. G. P. M u r d o c k, Social structure, N. Y., 1949, p. 205—207, 216, 217.

отличаются только тем, что принадлежность к первым определяется по матери, а ко вторым — по отцу, во всех же других отношениях они полностью подобны⁴. Если бы это действительно было так, то тогда с чисто формальной стороны схема с двумя отцовскими родами и дислокальным, а затем матриликальным браком на самом деле должна быть совершенно равноценной схеме с двумя материнскими родами и дислокальным браком, сменяющимся патриликальным.

Но в реальности дело обстоит иначе, что к настоящему времени подмечено и некоторыми зарубежными этнографами. В качестве наиболее яркого примера можно сослаться хотя бы на работу Д. М. Шнейдера «Отличительные черты матрилинейных родственных групп»⁵. Автор не обходится без уже ставшего традиционным в англо-американской этнографии утверждения об идентичности структуры матрилинейных и патрилинейных групп. «Из этих определений,— пишет он,— можно видеть, что матрилинейная и патрилинейная группы представляют точное зеркальное отображение друг друга, являются идентичными по своей структуре, кроме того чисто искусственного момента, что в одной членство приобретается через отца, а в другой — через мать. Во всем другом каждый их элемент идентичен»⁶. Однако вслед за этим он подчеркивает, что «несмотря на тот факт, что элементы являются теми же самыми, существует определенное в высшей степени очевидное различие между матрилинейными и патрилинейными группами»⁷. И далее почти 20 страниц он посвящает детальному анализу этих отличий.

Можно не соглашаться с той интерпретацией, которую дает Д. М. Шнейдер выявленным им фактам, но несомненно, что ему удалось подметить существенные объективные различия между структурой матрилинейных групп, с одной стороны, и патрилинейных — с другой. «Матрилинейная группа,— в частности, указывает он,— не нуждается в статусах отца и мужа. С другой стороны, статусы матери и жены обязательны для патрилинейной системы»⁸.

Говоря о том, что материнская экзогамная группа не нуждается в статусах мужа и отца, Д. М. Шнейдер ни в малейшей степени не ставит под сомнение необходимость половых отношений между женщинами, принадлежащими к данной группе, и мужчинами иной или иных групп. Без наличия таких отношений группа просто не могла бы воспроизводить себя и тем самым существовать. Но дело в том, что наличие половых отношений между данной женщиной и данным мужчиной еще само по себе не делает их мужем и женой. Включая в себя половые отношения, брак ни в коем случае к ним не сводится и ими одними не исчерпывается. Муж и жена не просто половые партнеры, а люди, имеющие по отношению друг к другу определенные признанные обществом права и обязанности. Между ними существуют не только половые, биологические по своей природе, отношения, но и определенные социальные связи, которые только и делают их отношения браком, а самих их — супругами.

Если понятия просто полового партнерства и брака различаются достаточно четко и в нашем языке, то сложнее обстоит с понятием отцовства. Говоря об отце, в обыденном словоупотреблении имеют в виду мужчину, которому человек обязан своим появлением на свет и который имеет определенные, признанные обществом права и обязанности по отношению к данному ребенку. Иначе говоря, в нашем понятии отцовства

⁴ См., например, R. N. Lowie. *Primitive society*, N. Y., 1961, p. 111, 112, 166—183; G. P. Murdock, *Указ. раб.*, стр. 46.

⁵ D. M. Schneider. The distinctive features of matrilineal descent groups, in: «*Matrilineal kinship*», Ed. by D. M. Schneider and K. Gough, Berkeley and Los Angeles, 1961.

⁶ Там же, стр. 7.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 14.

сливаются воедино биологическое и социальное отцовство. И это не случайно. Такое слияние обусловлено характером существующих у нас семейно-брачных отношений.

Однако и в нашем обществе имеют место случаи расщепления биологического и социального отцовства. Если ребенок родился вне брака, то мужчина, которому он обязан своим появлением, вплоть до принятия нового закона о браке и семье (а в определенной степени и после) не имел по отношению к нему никаких прав и обязанностей, не считался его отцом.

В обществе доклассовом разделение биологического отцовства (порождения) и социального представляет широко распространенное явление. В Меланезии, например, отцовство определяется совершением определенного социального акта. На одном из островов отцом становится человек, который уплатил повивальной бабке, на другом — мужчина, посадивший перед своей хижинной дерево определенной породы⁹. У многих племен Африки отцом ребенка является мужчина, внесший за его мать определенное количество скота, независимо от того, имел он отношение к его рождению или не имел¹⁰. У ряда австралийских племен представление о биологическом отцовстве вообще отсутствовало, у них было понятие лишь о социальном отцовстве¹¹.

Все это делает для этнографов настоятельно необходимым различать понятие биологического и социального отцовства. Такое различие проводится в трудах большинства зарубежных этнографов. В англо-американской этнографической литературе для обозначения биологического отца обычно применяется термин «genitor», для обозначения социального — «pater»¹². В русском языке эквивалентом первого могло бы быть слово «породитель». Введение этого термина позволило бы сузить значение слова «отцовство» до понятия социального отцовства.

Уточнение употребляемых понятий помогает понять существо различия между структурой матрилинейных и патрилинейных групп. Существование матрилинейной группы не предполагает с необходимостью наличия социальных связей ни между половыми партнерами как индивидами, ни между половым партнером женщины, с одной стороны, и ее детьми — с другой. Материнская филиация предполагает социальную связь лишь между матерью и детьми. Совершенно иначе обстоит дело с патрилинейными группами. Отцовская филиация необходимо предполагает отцовство, т. е. существование социальной связи между мужчиной, с одной стороны, и детьми его полового партнера — с другой. Но вполне понятно, что такая связь совершенно невозможна без наличия определенных социальных отношений между мужчиной и матерью детей, отцом которых он является.

Таким образом, если существование матрилинейной группы не предполагает с необходимостью наличия брачных отношений между индивидами, то патрилинейная группа без индивидуального брака существовать вообще не может¹³. Патрилинейные группы могли появиться только после возникновения индивидуального брака и ни в коем случае не раньше. Что же касается матрилинейных групп, то наличие индивидуального бра-

⁹ W. H. R. Rivers, *Social organisation*, London, 1924, p. 52.

¹⁰ «African systems of kinship and marriage», Ed. by A. R. Radcliffe-Brown and D. Forde, London, 1950, p. 184; «The Bantu-speaking tribes of South Africa», Ed. by I. Schapera, London, 1966, p. 113; и др.

¹¹ B. Spencer, *Native tribes of Northern territory of Australia*, London, 1914, p. 25.

¹² A. R. Radcliffe-Brown, *Introduction to African systems kinship and marriage*, p. 4; G. Lienhardt, *Social anthropology*, London, 1964, p. 119; R. Fox, *Kinship and marriage*, Harmondsworth, 1967, p. 34; и др.

¹³ Под индивидуальным браком мы понимаем брак между отдельными лицами, индивидами. Его противоположностью является брак между группами лиц — групповой. К индивидуальному браку относится не только единобрачие, но и многоженство и многомужество.

ка не только не вытекает с необходимостью из их существования, но, наоборот, находится в резком противоречии с ним. Если по отношению к патрилинейным группам индивидуальный брак выступает как необходимое условие их возникновения, то в отношении к матрилинейным — как фактор, постоянно угрожающий их существованию. Как совершенно правильно указывает Д. М. Шнейдер, «институционализация очень сильной, продолжительной или интенсивной солидарности между мужем и женой несовместима с сохранением матрилинейной родственной группы. Это совершенно неверно по отношению к патрилинейным родственным группам»¹⁴.

Из всего сказанного следует, что матрилинейные группы по самой своей внутренней структуре представляют явление более архаичное, чем патрилинейные. В противоположность отцовскому роду, который не мог появиться раньше, чем возник индивидуальный брак, материнский род мог возникнуть только в эпоху, предшествующую зарождению индивидуального брака. Но исключая индивидуальный брак, первоначальный материнский род необходимо предполагал существование группового брака — брак не между индивидами, а между группами. В силу экзогамии первоначальный род не мог существовать иначе, как в составе дуальной организации. Первой формой брака был, таким образом, дуально-родовой брак, который по самой своей природе не мог не быть дислокальным.

Механизм возникновения и функционирования, а также внутреннюю структуру первоначальной дуально-родовой организации мы попытались, основываясь на данных этнографии, раскрыть в ряде работ¹⁵. Именно эта система двух материнских родов, связанных групповым дислокальным браком, и явилась для нас исходным моментом развития, завершившегося у австралийцев возникновением брачноклассовой организации.

М. А. Членов заменяет ее совершенно равноценной, по его мнению, системой двух отцовских родов, связанных отношениями группового дислокального брака. Мы не будем говорить о том, что само по себе такое допущение носит совершенно произвольный характер и ничем не обосновывается. Суть дела в том, что такая система вообще не может существовать. Если бы М. А. Членов вместо того, чтобы декларировать существование системы двух отцовских родов, связанных групповым дислокальным браком, попытался бы ее себе конкретно представить, то легко бы убедился, что сделать это совершенно невозможно.

В отличие от материнского отцовский род не совместим ни с групповым браком, ни вообще с дислокальным браком, даже не групповым, а индивидуальным. Отцовская филиация necessarily предполагает принадлежность мужа и жены к одной хозяйственной группе. И совершенно поэтому не случайно все известные этнографии примеры существования дислокального брака связаны исключительно с материнским родом. Стоит только допустить существование двух экзогамных хозяйственных коллективов, связанных групповым дислокальным браком, как они неизбежно окажутся материнскими родами.

Таким образом, из схемы М. А. Членова полностью выпадает начальный, исходный этап, а тем самым ничего не остается от всей его модели. Он показывает лишь, что готовую возникшую брачноклассовую систему можно чисто формально мыслить в сочетании не только с патрилокальным, но и с матрилокальным браком. Но вывести ее даже чисто формально из какого-либо предшествующего состояния М. А. Членов не смог.

¹⁴ D. M. Schneider, Указ. раб., стр. 16.

¹⁵ См. Ю. И. Семенов. Групповой брак, его природа и место в эволюции семейно-брачных отношений, М., 1964; его же, Как возникло человечество, М., 1966; его же, Проблема начального этапа родового общества, в сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I. М., 1968.

Так как у М. А. Членова не получилось такой модели, то он тем более оказался не в состоянии привести никаких фактов, которые могли бы подтвердить его точку зрения. Нельзя же рассматривать в качестве аргумента ссылку на то, что кое-где существуют племена, у которых патрилинейность сочетается с матриликальностью (стр. 79). Не говоря уже о том, что из четырех названных М. А. Членовым племен, если судить по «Этнографическому атласу» Дж. Мёрдока, на который ссылается М. А. Членов, у чиригуана и каража отсутствуют экзогамные патрилинейные группы, а у тукуна господствует патрилокальный брак, ни у одного из них, включая и мундуруку, не обнаруживается ни зачатков, ни пережитков брачноклассовой системы¹⁶. Несомненным фактом является то, что у всех австралийских племен, у которых существовала брачноклассовая организация, брак был патрилокальным, а не матриликальным. Не может помочь М. А. Членову и ссылка на тиви. У данного племени существовали материнские тотемические роды; что же касается брака, то он был по преимуществу патрилокальным¹⁷.

Важно отметить, что М. А. Членов вообще неправ, когда связывает брачные классы просто с наличием в обществе противоположных форм линейности и локальности (патрилинейности и матриликальности в одном случае, матрилинейности с патрилокальностью — в другом). Мы не только не знаем ни одного случая существования брачных классов при сочетании патрилинейности с матриликальностью, но можно привести множество примеров, когда они отсутствуют и при сочетании матрилинейности с патрилокальностью. Необходимым условием возникновения брачных классов является одновременное существование в обществе и материнских унитарных групп, и отцовских, т. е. наличие в нем сразу двух противоположных филиаций — материнской и отцовской¹⁸.

Система двух филиаций, при которой каждый член общества принадлежит одновременно к двум унитарным группам, матрилинейной и патрилинейной, имеет довольно широкое распространение¹⁹. В зарубежной этнографической литературе за ней довольно прочно закрепилось название «double descent»²⁰. По-русски его можно было бы передать выражением «двойная филиация».

Двойная филиация — обязательное, но еще недостаточное условие появления брачноклассовой организации. Чтобы брачные классы возникли, нужно не просто одновременное существование двух филиаций, материнской и отцовской, а их наложение друг на друга, своеобразное сдвигание филиаций. Брачные классы (в данном случае подразумевается система четырех брачных классов, которую мы считаем первоначальной) представляют собой группы, члены которых принадлежат одновре-

¹⁶ G. P. Murdock, *Ethnographic atlas*, Pittsburgh, 1967, p. 118, 122.

¹⁷ C. W. M. Hart and A. P. Pilling, *The Tiwi of North Australia*, N. Y., 1960.

¹⁸ И в данном месте, и во всей статье под филиацией мы понимаем не всякий счет родства (счет происхождения), а лишь такой, который определяет принадлежность человека к определенной унитарной группе вообще, к роду в первую очередь. Иначе говоря, мы вкладываем в понятие филиации примерно тот же самый смысл, который У. Риверс вкладывал в понятие «descent» (W. H. R. Rivers, *Social organization*, London, 1924, p. 86).

¹⁹ В зарубежной этнографической литературе нередко упоминаются также системы, характеризующиеся тем, что существующие в обществе две филиации относятся не к каждому из его членов, а всегда к разным людям. Так, например, у мундагумор Новой Гвинеи мальчики наследуют матери, а девочки — отцу (M. Mead, *Sex and temperament in three primitive societies*, N. Y., 1935), у апинаже Бразилии мальчики принадлежат к группе отца, а девочки — к группе матери (C. Nimuendaju, *The Apinaye*, «Catholic university of America anthropological series», 1939, № 8). Такое явление иногда называют «parallel descent» (параллельной филиацией). Однако не всегда ясно, имеем ли мы во всех случаях дело с подлинной материнской и отцовской филиацией.

²⁰ См.: G. P. Murdock, *Double descent*, «*American Anthropologist*», 1940, vol. 42, № 2; J. M. Goody, *The classification of double descent systems*, «*Current Anthropology*», 1961, vol. 2, № 1; P. Bohannan, *Social anthropology*, N. Y., 1965, p. 139, 140; R. Fox, *Kinship and marriage*, p. 124; и др.

менно к одной и той же матрилинейной группе и одной и той же патрилинейной группе. Люди, связанные только материнской филиацией или только отцовской, обязательно принадлежат к разным брачным классам. Этот факт в достаточной степени раскрыт в целом ряде исследований²¹.

Как сейчас уже твердо установлено, существование в том или ином обществе двойной филиации свидетельствует о том, что в нем происходит процесс перехода от одной филиации к другой. Суть той схемы, которую пытался создать М. А. Членов, состоит в том, что брачные классы австралийцев возникли в результате появления наряду с давно существовавшей отцовской филиацией новой — материнской. Даже если полностью отвлечься от всего уже сказанного выше по поводу схемы М. А. Членова, такое допущение само по себе находится в противоречии со всеми известными этнографическими фактами.

Чтобы нас не обвинили в предвзятости, обратимся к свидетельствам Дж. Мёрдока, являющегося, как и большинство зарубежных этнографов, решительным противником предположения об универсальности и первоначальности материнского рода. И этот убежденный сторонник точки зрения, согласно которой матрилинейные и патрилинейные группы исторически совершенно равноценны, пишет, что «наиболее прочной опорой эволюционной теории первоначальности матрилинейности, причинившей огромные трудности позднейшим этнографам, является полное отсутствие не только исторически засвидетельствованных, но хотя бы даже просто логически вероятных случаев прямого перехода от отцовской филиации к материнской. Ни одного такого случая не встречается в нашей сводке этнографического материала, ни с одним таким случаем автор вообще не встретился в этнографической литературе»²². На вопрос о причине такого положения Дж. Мёрдок дает четкий и недвусмысленный ответ: «Случаев такого перехода не зарегистрировано потому, что он не может произойти... Прямой переход от патрилинейной филиации к материнской невозможен»²³. По его мнению, существуют факторы, которые обуславливают смену материнской филиации отцовской (и главный среди них — накопление богатства в руках отдельных лиц), но таких, которые вызвали бы движение в противоположном направлении, нет²⁴.

Из всего этого он делает совершенно определенные выводы: «Часто наблюдается, что во многих частях мира патрилинейные и матрилинейные народы живут бок о бок в определенной ограниченной области, причем их культуры обнаруживают абсолютно достоверные исторические связи. Сейчас совершенно ясно, что везде, где такая ситуация существует, в случае, если эти два типа структуры генетически связаны, патрилинейные племена должны были развиться из матрилинейных, а не наоборот. Столь же верно, что во всех обществах с вполне развитой двойной филиацией матрилинейные родственные группы возникли первыми, а правило патрилинейной филиации представляет собой явление, развившееся вторично»²⁵.

Все эти данные, находящиеся в непримиримом противоречии с допущениями М. А. Членова, и были положены в основу схемы эволюции, изложенной в нашей статье «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому». Вполне понятно, что в первую очередь мы опирались на

²¹ F. Calton. Note on the Australian marriage systems, «Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», 1889, vol. 18, № 1; E. Durkheim, La prohibition de l'inceste et ses origines, «L'Année sociologique», 1898, № 1; A. R. Radcliffe-Brown, Bilateral descent, «Man», 1929, vol. 29, p. 199, 200; W. E. Lawrence, Alternating generation in Australia, in: «Studies in the science of society», New Haven, 1937; G. P. Murdock, Social structure, p. 51—54.

²² G. P. Murdock, Social structure, p. 190.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 206, 207, 216, 217.

²⁵ Там же, стр. 218.

фактический материал о тех племенах, эволюция социальной организации которых исследовалась, т. е. об аборигенах Австралии.

В настоящее время можно считать достаточно твердо установленным, что деление австралийских племен на патрилинейные и матрилинейные в значительной степени устарело. Если не все, то подавляющее большинство племен, которые традиционно считались патрилинейными, в действительности характеризуются сосуществованием отцовской и материнской филиаций. Двойная филиация бытовала и у племен, традиционно считавшихся матрилинейными. «Хотя социальная организация австралийских племен всегда базируется на патрилинейной филиации,— писал такой крупнейший специалист, как А. Р. Рэдклифф-Браун,— однако здесь всегда существует определенное признание и материнской филиации... Система родства австралийского племени обыкновенно характеризуется двойной филиацией, она и патрилинейна, и матрилинейна. Но во многих племенах имеется более отчетливое и организованное признание матрилинейной филиации, иногда путем существования матрилинейных кланов или тотемических подразделений, иногда — имеющих названия матрилинейных половин, и в некоторых племенах путем существования восьми «классов» или «субсекций»²⁶. Такую точку зрения разделяют многие ученые²⁷.

Основываясь на том, во-первых, что по самой своей структуре материнский род более архаичен, чем отцовский, во-вторых, что науке не известен ни один случай перехода от отцовской филиации к материнской, в то время как зарегистрировано множество примеров обратного движения, в-третьих, что во всех известных обществах с двойной филиацией патрилинейность представляет собой явление более позднее, чем матрилинейность, можно сделать вывод, что у аборигенов Австралии развитие шло от материнского рода к отцовскому, а не наоборот.

И все данные австралийской этнографии полностью подтверждают такой вывод. Материнские роды в Австралии, как правило, не имели никаких хозяйственных, экономических функций. Но в идеологическом, надстроечном отношении они нередко отличались значительной степенью развития. В противоположность им всегда практически значимые отцовские роды нередко почти совсем не имели идеологического оформления, или оно только начинало намечаться. Счет принадлежности к ним не имел сколько-нибудь отчетливой формы²⁸. Все это можно расценить лишь как свидетельство того, что материнские роды у австралийских аборигенов имеют более древнее происхождение, чем отцовские.

В статье «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому» на конкретных примерах была продемонстрирована общая тенденция развития социальной организации австралийцев. Суть этого процесса заключается, с одной стороны, в постепенном и все более полном идеологическом оформлении экономически и вообще практически значимых отцовских родов, а с другой — в постепенной потере материнским родом всех своих функций, а вслед за этим и его идеологического оформления.

Представляя собой обобщение фактического материала, наша схема является не чисто формальной, как это утверждает М. А. Членов, а содержательной. В отличие от той, которую пытался создать М. А. Членов, в нашей схеме отсутствуют ни на чем не основанные произвольные допущения. И в этом отношении не могут не вызвать недоумение некоторые места из рассматриваемой заметки. «Предположим,— пишет М. А. Членов,— что австралийцы некогда действительно жили двумя тесно свя-

²⁶ A. R. Radcliffe-Brown, *Murgnin social organisation*, «American Anthropologist», 1951, vol. 53, № 1, p. 40.

²⁷ G. P. Murdock, *Social structure*, p. 51—55; W. E. H. Stanner, *Comment to the article of J. Goody*, «Current Anthropology», 1961, vol. 2, № 1, p. 20, 21; и др.

²⁸ См. об этом: Ю. И. Семенов, *Проблема перехода от материнского рода к отцовскому*, стр. 68—70.

занными материнско-родовыми локалями. В этом случае схема, нарисованная Ю. И. Семеновым, могла осуществиться при одном очень важном условии, о котором в статье говорится лишь вскользь (стр. 68). Условие это заключается в том, что форма брака, следовавшая вслед за разложением дислокального брака, должна была стать патрилокальной, а не матрилокальной, так как в последнем случае формальная модель не приводит к образованию брачных классов. Хотя такой переход в условиях группового брака, неясного отцовства и т. д. выглядит крайне странным, теоретически исключать возможность его нельзя. Но, очевидно, следует привести какие-либо доказательства или аргументы в пользу такой трансформации. В статье мы их не видим» (стр. 68, 69). При чтении этого места создается впечатление, что А. М. Членов читал нашу статью недостаточно внимательно.

Каким образом можно утверждать, что наличие группового брака ставит под сомнение положение о переходе к патрилокальности, когда, согласно нашей схеме, такой переход произошел уже после смены группового брака индивидуальным? О неясности какого отцовства упоминает М. А. Членов? Биологического? Но знание его или незнание никакой социальной роли не играло. У австралийцев вообще не было понятия о биологическом отцовстве, что не помешало существованию у них отцовской филиации. Социального? С возникновением парного брака оно всегда известно. Отцом является либо муж матери, либо человек, совершивший определенный установленный обществом социальный акт. Совершенно непонятно, как можно говорить о том, что о переходе к патрилокальности мы упоминаем лишь вскользь, ничем его не аргументируя, когда в статье этому вопросу уделено особое внимание (стр. 65), когда в ней вообще детально рассматриваются причины, определившие исчезновение дислокального брака (стр. 63—65).

Не излагая содержания нашей предшествующей статьи, коротко наметим основные моменты развития, которое привело к раннему появлению отцовского рода у австралийцев.

За исходный момент мы принимаем систему двух материнских родов, каждый из которых состоит из мужской и женско-детской групп. Последняя в свою очередь состоит из двух подгрупп: женской и детской. Между мужскими группами и женскими подгруппами, принадлежащими к разным родам, существуют отношения группового дислокального брака. Женщины всю жизнь остаются в родной женско-детской группе. Мальчики по достижении определенного возраста переходят в мужскую группу своего рода.

Появление минимального избыточного продукта приводит к изменению отношений распределения, выделению внутри коллективов потребительских групп и возникновению индивидуального брака. Парный брак и парная семья предполагают зарождение определенных экономических связей между мужем, с одной стороны, женой и ее детьми — с другой, т. е. между людьми, принадлежащими к разным родам. Но эти узы являются на первых порах значительно более слабыми, чем экономические связи внутри рода, среди которых особо выделяются отношения между братьями матери, с одной стороны, сестрами и их детьми — с другой.

Дальнейшее развитие во многом зависит от того, сохранился ли у данной этнической группы оседлый образ жизни, характерный для начала позднего палеолита, или же он сменился бродячим.

В первом случае материнский род (позднее — его подразделение) продолжительное время сохраняется как хозяйственная и локальная группа, а парный брак соответственно долго продолжает оставаться дислокальным. Примером могут служить наяры Кералы, минангкабау Суматры, наси Юньнана.

Во втором случае неизбежно возникает тенденция к временному соединению мужской и женско-детской групп, принадлежащих к разным

родам, и соответственно к временному отделению друг от друга мужской и женско-детской групп, составляющих вместе один род. Если брать только австралийцев, то, например, у аранда (арунта) сохранились предания о времени, когда существовали самостоятельные мужские и женские группы, между членами которых существовали половые отношения²⁹. Интересно в этой связи отметить, что во время совершения определенных обрядов и особенно инициаций у аранда и других племен мужчины и женщины с детьми отделялись друг от друга, образуя обособленные лагеря³⁰. Временное отделение друг от друга мужской и женско-детской групп одного рода и столь же временное соединение групп, принадлежащих к разным родам, способствовало, с одной стороны, ослаблению экономических связей женщин с их братьями, а с другой — укреплению таких отношений с мужьями. В конечном счете это привело к возникновению локальных групп, каждая из которых состояла из мужской и женско-детской групп, принадлежавших к разным родам. В этих условиях мальчики, переходя в мужскую группу своего рода, должны были покидать родную локальную группу.

Если на данной стадии происходил переход от бродячего существования к оседлому, то такой порядок продолжал долгое время сохраняться. Примеров этого этнографический материал дает много.

Сохранение бродячего образа жизни неизбежно вело ко все большему укреплению экономических связей между мужем, с одной стороны, женой и детьми — с другой, и соответственно ко все большему ослаблению связей женщины с ее братьями. Все это с необходимостью порождало тенденцию к замене перехода мальчика в группу братьев матери, т. е. мужскую группу своего материнского рода, переходом его в группу отца, т. е. мужскую группу своего родного локаля. О форме, в которой эта тенденция пробивала себе дорогу, достаточно красноречиво свидетельствует характер австралийских инициаций.

И когда такая замена произошла, когда мальчики начали переходить в мужскую группу отца и тем самым оставаться в родном локале, брак неизбежно приобрел патрилокальный характер, а люди, родившиеся в каждом конкретном локале, стали составлять патрилинейную экзогамную группу, т. е. отцовский род. Сдваивание существовавшей издавна материнской и вновь возникшей отцовской филиации привело к возникновению системы четырех брачных классов.

С предложенной нами схемой эволюции социальной организации австралийцев можно соглашаться, можно не соглашаться. Однако М. А. Членов оказался не в состоянии привести ни одного факта, который находился бы в противоречии с этой схемой, не смог выдвинуть ни одного аргумента, который ставил бы ее под сомнение.

THE PROBLEM OF THE HISTORICAL CORRELATION BETWEEN MATRILINEAL AND PATRILINEAL DESCENT AMONG AUSTRALIAN ABORIGINES

It may be at present regarded as firmly established that most aboriginal Australian tribes are characterized simultaneously by matrilineal and by patrilineal descent, i. e. by so-called double descent. Theoretical analysis shows that the matrilineal gens is, generally speaking, more archaic than the patrilineal gens. Besides this, no single case is known to ethnography of a transition from patrilineal to matrilineal descent, while plentiful cases of a shift from matrilineal to patrilineal gentes have been recorded. And

²⁹ T. G. H. Strehlow, *Aranda traditions*, Melbourne, 1947, p. 92.

³⁰ B. Spencer and F. J. Gillen, *The native tribes of Central Australia*, London, 1899, p. 214—216, 348, 352.

lastly, in all double-descent societies known to science patrilineality is always an indisputably later phenomenon than matrilineality. All this sufficiently substantiates the conclusion that among Australian aborigines evolution also proceeded from the matrilineal to the patrilineal gens, and not the reverse. This conclusion is fully confirmed by ethnographic data on Australians. It was just the early rise of the patrilineal gens side by side with the initial matrilineal gens that led to the doubling of descent and to the emergence of the marriage class system so characteristic of aboriginal society. The motive forces and the actual working factors of this process are examined in detail by the present author in his article «The problem of transition from the matrilineal to the patrilineal gens» («Sovetskaya Etnografiya», 1970, № 5). In the present article the author merely notes the main points in the evolution of the gens system as a whole, and its evolution among Australian aborigines in particular.
